

Ларин Юрий

Интеллигенция и Советы
Хозяйство, буржуазия, революция,
госаппарат

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю70

Ю70 **Юрий Л.**
Интеллигенция и Советы: Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат / Ларин Юрий –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 95 с.

ISBN 978-5-519-92487-0

ISBN 978-5-519-92487-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

всех их, от меньшевиков до эс-эров, стал социализмом только по названию, всецело был проникнут *мелко-буржуазным*, «народническим» духом—представлял городское мещанство и буржуазно-ориентированное крестьянство, а не пролетариат. Во-вторых, весь этот народнический социализм выступил открытым и дружным фронтом *против рабочей революции* и за буржуазию (за буржуазную демократию, за «Учредилку», против «рабочего контроля», против национализации хозяйства)—правильно отражая имевшее в то время место примыкание к руководящей крупной буржуазии основных масс *заситочного* крестьянства и городского, особенно торгового, мещанства.

То обстоятельство, что народническая интеллигенция при этом носила еще вывеску «социализма», делало ее в глазах рабочих еще более заслуживающей вражды, чем интеллигенцию откровенно буржуазную. Ибо к моменту борьбы против рабочего класса присоединялся еще момент измены тому социализму, знамя которого рабочий класс подымал. И название «социал-предатели» было именно поэтому в тот период особенно распространенным в рабочей среде по адресу представителей противорабочего мелко-буржуазного социализма.

Так создались условия, при которых после Октябрьской революции 1917 г. рабочая масса почти сплошь враждебно-отрицательно относилась ко всякой некоммунистической (т.-е. не перешедшей *открыто и до конца* на сторону рабочих) интеллигенции. Откровенно-буржуазная или «тоже-социалистическая», заситочная или лично малоимущая—вся эта интеллигентская прослойка была представительницей буржуазии, защитницей буржуазии, носительницей идей буржуазной реставрации и врагом рабочей революции. При таких условиях даже авангард рабочей массы, даже передовые отряды ее сплошь и рядом и слышать не хотели о необходимости сохранять у своего дела, хотя и под строжайшим нашим надзором, известную часть хотя бы технически важных элементов этой интеллигенции (напр., участие инженеров в управлении заводами и т. п.).

Среди многих эпизодов подобного рода помню появление в «Астории» (где мы жили в Ленинграде после торжества Октябрьской революции) делегации уральских рабочих. В состав делегации входили мотовилихинский рабочий Мясников (впоследствии исключенный за мелко-буржуазный уклон) и молодой рабочий тов. Сулимов (впоследствии ставший членом ЦК РКП, которым остается и сейчас). Делегация полна была энтузиазмом пережитой борьбы и победы. Уральцы выдержали на своих плечах первую тяжесть организационной работы и восстановления хозяйственных связей и явились теперь в центр (Ленинград) договариваться с ним о том, как окончательно должен быть устроен Урал и уральские заводы, чем им заниматься, какая помощь будет от центра и что в свою очередь требуется от них. Ко мне в «Асторию» они явились по двум причинам. Во-первых, по той, в силу которой, полемизируя в начале 1919 г. по продовольственному вопросу против меня во ВЦИК'е, Ленин назвал первое полугодие Советской власти периодом «ларинской диктатуры» в нашем хозяйственном строительстве (присоединив довольно-таки сердитые замечания о некоторых ее проявлениях). Во-вторых, по той причине, что и тогда и позже я отдавал распоряжения о проведении в интересах восстановления уральского хозяйства некоторых незаконных мер, когда не видел иного быстрого и верного выхода. На деле подобные меры приходилось проводить и в применении к другим районам. Напр., когда весной 1918 г. на окраинах не хватало денег—я послал на Урал и в Туркестан радиотелеграммы, в которых от имени общесоветского правительства предоставил право Уралу и Туркестану печатать собственные деньги (в то время допускалось единоличное составление мной разных законов и распоряжений по хозяйственной части, иногда даже гораздо более существенных). Свои деньги начали печататься и на Урале (до захвата его Колчаком), и в Туркестане (выкуплены и обменены на общегосударственные тов. Сокольниковым в 1921 г.).

Иллюстрация эта показывает, насколько приходилось в первый год советской жизни считаться со свое-

образом отношений, когда исключительные обстоятельства доводили центральную власть до предоставления областям самостоятельного печатания денег и т. п. Понятно, что для преодоления чрезмерности некоторых естественно возникавших при этом уклонов, партии приходилось при этом применять иногда особенно энергичный нажим, который не только восстанавливал необходимое положение, но приводил порою в конце концов и к временному перегибу палки в другую сторону. Нечто подобное происходило иногда кое-где и с вопросом об интеллигенции, о специалистах.

В качестве образца можно взять упомянутую беседу с уральской делегацией, выставившей требования, тогда же охарактеризованные формулой «Урал уральцам», требования синдикалистские по существу. *Переубедить* не удалось и осталось только *требовать* во имя пролетарской и партийной дисциплины проводить не то, что хочется, а то, что правильно. Правильным я считал использование для производства и хозяйства необходимых для него интеллигентских сил, не взирая на их вероятную внутреннюю вражду к нам, — чтобы самим быть в силах больше подучиться делу на надзоре за ними, чтобы хоть до некоторой степени использовать и их знания (действуя и приманкой, и принуждением), чтобы выделить постепенно из них способных хоть более или менее перейти на нашу сторону, чтобы победить их не только физически и политически, но и морально, показав и доказав возможность усвоения пролетарским строем культурно-технического наследия прошлого. С этой целью в «положения» об учреждении разных главков (прообразы и предшественники нынешних трестов) я включал введение в состав их правлений одной трети от технического персонала и издал в начале весны 1918 г. особый подробный закон об управлении национализированными предприятиями (опубликованный 7 марта 1918 г. в «Газете Раб.-Крест. Правительства», тогдашнем официальном органе), по которому во главе каждого завода ставилась «коллегия» на одну треть из

технического персонала¹⁾. С этой же целью я принял ряд других мер по приучению лучшей части специалистов к советскому строю: «спас» от уничтожения тогдашним левым эс-эром и наркомом земледелия тов. Колегаевым (ныне давно уже член нашей партии и руководитель Москуста) управление всеросс. сел.-хоз. статистической переписи во главе с нынешним начальником ЦСУ тов. П. И. Поповым (и солдаты были уже приставлены энергичным тов. Колегаевым к помещению бедной статистики); разослал, — для большей авторитетности подписавши именем Ленина, — телеграмму, что при разгоне на местах земств и городских дум статистика не разгоняется, а все статистические специалисты вверяются тов. П. И. Попову и ему дается 5 милл. руб. на ближайшие расходы; «спас» от разгона группы технических специалистов, сгруппировавшихся в «военно-промышленных комитетах» с возглавлявшим их старым ленинградским рабочим тов. Судаковым (после тоже вступил в нашу партию и состоит членом президиума ВСНХ), провел через подлежащие инстан-

✓ 1) Законодательная техника первых месяцев была организована весьма оригинально. Официальную «Газету Рабоче-Крестьянского правительства» (предшественницу нынешних «Известий») редактировал тов. Зиновьев. Одни законы и постановления, принятые Совнаркомом, ему присылали из канцелярии СНК. Другие, написанные мною, клал я в Смольном в «ящик писем для редакции» или передавал, либо присылал. Зиновьев аккуратно печатал и то, и другое в официальном отделе под названием «Действия и распоряжения правительства» (или в этом роде) — и еще несколько лет спустя Вл. Ильич дразнил меня подписью: «За бюро Ю. Ларин». Ибо не желая злоупотреблять подписанием его имени без его ведома, нередко подписывал подобным образом, предоставляя желающим в будущем докапываться, что это за «бюро», предписывающее всякие национализации, вводящее монополии, дающее льготы и сажающее в тюрьмы. Впрочем, Вл. Ильич и за имевшее место несколько раз печатание постановлений от его имени только раз выразил мне неудовольствие, находя, что в этом случае я уж слишком энергично действую в чисто политической области, не имеющей отношения к хозяйству (речь шла о некоторых взаимоотношениях ЦИК и СНК, которые показались мне заслуживающими декретного урегулирования — подробности указаны в № 11 «Народного Хозяйства» за 1918 г.).

ции их переделку и переименование в «народно-промышленные комитеты», откуда мы черпали интеллигентские силы, пока не втянули их в нормально работающий аппарат (и тогда упразднили нар.-пр. ком.); пригласил тов. М. П. Павловича (после тоже вошедшего в партию и состоявшего членом коллегии Наркоминдела) ведать (состоявшим при «Комитете хоз. политики») Комгосором со специальной задачей организовать в некоторого рода «Совет экспертов» ленинградских ученых, профессоров, крупных техников по самым различным отраслям, что и было достигнуто; разворачивал с начала 1918 г. большие строительные предположения, вызывавшие необходимость во многих научно-технических работах и т. п.

Выставляя в начале 1918 г. громадную программу — земледельческая мелиорация великорусских губерний (этот вопрос был поручен проф. Александрову, ставшему после автором проекта районирования России и одним из видных деятелей Госплана), Волго-Донской канал (кое-какое шлюзование низовьев Дона действительно было подвинуто в связи с этим), обводнение Туркестана (известный в свое время «Иртур» проф. Ризенкампа), крупнейшие электрические станции на Свири, Волхове и под Москвой (тов. П. Г. Смидовичу поручена была затем особым совещанием организация бюро по электрификации Центральной России и Сев.-Зап. Области), большие железнодорожные изыскания и работы (ряд построек действительно был постепенно закончен или произведен при помощи перекладки рельс с других менее нужных путей), превращение Кузнецкого бассейна в индустриальный центр (теперь, наконец, дело дошло уже и до первых отправок оттуда кокса на Уральские металлургические заводы, о чем думал еще В. И. Ленин) и т. д. — я прекрасно понимал, что на деле мы достигнем *в первые годы* осуществления лишь ничтожной части всего этого, но зато несомненно завоюем для себя культурно-технический мозг страны, ее лучшую техническую интеллигенцию, приучим ее к себе, научим ее работать с нами и сами научимся иметь с ней дело, сохраним для пролета-

риата те великое культурно-техническое наследие старого буржуазного мира, какое сосредоточено в головах нескольких сотен или пары тысяч виднейших техников и ученых нашей страны. Ибо без расцвета техники, опирающегося на научное знание (в частности природных ресурсов захваченной рабочим классом России) — социализма не построить. И строить его придется гораздо медленнее, если все старые техники и ученые разбегутся, если они не будут приобретены для дела культурно-технического возрождения, если придется начинать с пустого места, с предварительной многолетней подготовки собственных крупных техников, собственных ученых. Такая подготовка, широкое развитие такой подготовки вообще совершенно необходимы для решения основного вопроса о создании достаточных руководящих рабочих коммунистических кадров для строительства новой жизни. Но для облегчения и ускорения приступа к этому строительству обязательно и привлечение особенно умственной верхушки прежнего научно-технического мира, а следовательно — создание такого отношения к ней и таких условий для ее работы, при которых она не саботировала бы, а действительно втянулась бы в дело. В конечном счете речь здесь идет об очень тонкой прослойке, о нескольких тысячах из всех сотен тысяч человек прежней средней интеллигенции, — но эти несколько тысяч должны пользоваться особым отношением (впоследствии — создание Цекубу и т. п. меры).

Следовательно, перед нами было, собственно, две задачи: одна — решение общего вопроса о *массах интеллигенции* (о «спецах», как с ударением на последнем слоге и с оттенком обидного пренебрежения стала их тогда называть рабочая масса); другая — о небольшой численно, но важной для нас в научно-техническом отношении интеллигентской *верхушке*, обойтись без которой надолго было трудно.

Владимир Ильич, как известно, чрезвычайно трезво относился к нашим реальным возможностям. И если тем не менее, весной 1918 г. он лично приезжал в комнату № 305 «Метрополя» (ныне второго дома советон

в Москве) для участия в обсуждении и разработке указанной выше громадной строительной программы, если он раздавал в связи с этим ряд практических поручений, лично редактировал с обычным своим вниманием некоторые постановления и отпускал по тому времени крупные суммы на приступ к организации и к делу, — то, конечно, не потому, что он считал возможным сразу, в первые же три-четыре года после революции, с перспективой гражданской войны впереди, и при том одновременно, и построить Волгско-Донской канал, и обводнить Туркестан, и покрыть страну крупнейшими электрическими станциями, и создать индустриальный Кузбасс и пр., и пр. Нет, решающими тут были другие соображения.

Во-первых, Ленин придавал громадное, исключительное значение росту техники русского хозяйства. Никто больше его не радовался даже самым начальным достижениям этого рода, постройке впервые производившегося в России электроплуга, улучшению какой-либо породы семян, началу производства неизготовлявшегося ранее у нас вида сапожных гвоздей (текса) и т. д. и т. п. Никто лучше его не понимал всей необходимости роста техники для социалистического переустройства нашей страны, запечатленной им известным выражением: коммунизм, это — наша программа плюс электрификация.

Постановка на очередь больших задач технического переоборудования страны (электрические станции, туркестанская ирригация, Кузбасс и пр.), хотя бы без убеждения в их действительном полном немедленном осуществлении, — во всяком случае ставила практически *предварительную научно-техническую проработку* всех этих крупнейших вопросов. Такая проработка требует времени, без нее нельзя двинуться вперед. Ведь прежняя царско-буржуазная Россия не ставила перед собой такой задачи плановой перестройки всей техники страны, которая должна чрезвычайно развить ее производительные силы, поднять успешность труда ее населения. Надо было привлечь внимание крупных техников и ученых к этой громадной задаче, надо было

риата те великое культурно-техническое наследие старого буржуазного мира, какое сосредоточено в головах нескольких сотен или пары тысяч виднейших техников и ученых нашей страны. Ибо без расцвета техники, опирающегося на научное знание (в частности природных ресурсов захваченной рабочим классом России) — социализма не построить. И строить его придется гораздо медленнее, если все старые техники и ученые разбегутся, если они не будут приобретены для дела культурно-технического возрождения, если придется начинать с пустого места, с предварительной многолетней подготовки собственных крупных техников, собственных ученых. *Такая подготовка, широкое развитие такой подготовки вообще совершенно необходимы для решения основного вопроса о создании достаточных руководящих рабочих коммунистических кадров для строительства новой жизни.* Но для облегчения и ускорения приступа к этому строительству обязательно и привлечение особенно *умственной верхушки* прежнего научно-технического мира, а следовательно — создание такого отношения к ней и таких условий для ее работы, при которых она не саботировала бы, а действительно втянулась бы в дело. В конечном счете речь здесь идет об очень тонкой прослойке, о нескольких тысячах из всех сотен тысяч человек прежней средней интеллигенции, — но эти несколько тысяч должны пользоваться особым отношением (впоследствии — создание Цекубу и т. п. меры).

Следовательно, перед нами было, собственно, две задачи: одна — решение общего вопроса *о массе интеллигенции* (о «спецах», как с ударением на последнем слоге и с оттенком обидного пренебрежения стала их тогда называть рабочая масса); другая — о небольшой численно, но важной для нас в научно-техническом отношении интеллигентской *верхушке*, обойтись без которой надолго было трудно.

Владимир Ильич, как известно, чрезвычайно трезво относился к нашим реальным возможностям. И если, тем не менее, весной 1918 г. он лично приезжал в комнату № 305 «Метрополя» (ныне второго дома советов

в Москве) для участия в обсуждении и разработку указанной выше громадной строительной программы, если он раздавал в связи с этим ряд практических поручений, лично редактировал с обычным своим вниманием некоторые постановления и отпускал по тому времени крупные суммы на приступ к организации и к делу, — то, конечно, не потому, что он считал возможным сразу, в первые же три-четыре года после революции, с перспективой гражданской войны впереди, и при том одновременно, и построить Волго-Донской канал, и обводнить Туркестан, и покрыть страну крупнейшими электрическими станциями, и создать индустриальный Кузбасс и пр., и пр. Нет, решающими тут были другие соображения.

Во-первых, Ленин придавал громадное, исключительное значение росту техники русского хозяйства. Никто больше его не радовался даже самым начальным достижениям этого рода, постройке впервые производившегося в России электроплуга, улучшению какой-либо породы семян, началу производства неизготовлявшегося ранее у нас вида сапожных гвоздей (текса) и т. д. и т. п. Никто лучше его не понимал всей необходимости роста техники для социалистического переустройства нашей страны, запечатленной им известным выражением: коммунизм, это — наша программа плюс электрификация.

Постановка на очередь больших задач технического переоборудования страны (электрические станции, туркестанская ирригация, Кузбасс и пр.), хотя бы без убеждения в их действительном полном немедленном осуществлении, — во всяком случае ставила практически *предварительную научно-техническую проработку* всех этих крупнейших вопросов. Такая проработка требует времени, без нее нельзя двинуться вперед. Ведь прежняя царско-буржуазная Россия не ставила перед собой такой задачи плановой перестройки всей техники страны, которая должна чрезвычайно развить ее производительные силы, поднять успешность труда ее населения. Надо было привлечь внимание крупных техников и ученых к этой громадной задаче, надо было

поставить ее перед ними, как практическое задание государственной власти, надо было для этого своим *поведением* убедить их, что «эти сумасшедшие насильники», овладев властью, действительно, чуть не первым делом начинают ассигновывать такие миллионы на научно-техническую разработку, начинают практически ставить такие задачи, о каких русская научная техника раньше могла только мечтать.

Во-вторых, явилась возможность через привлечение научно-технических сил к подобной проработке *втянуть их постепенно и в непосредственную практическую работу*. Бедность наша в ту пору техническими силами была совершенно исключительная. При учреждении в декабре 1917 г. Высшего Совета Народного Хозяйства в нем был всего один инженер — старый большевик тов. П. Г. Смидович (ныне член Президиума ЦИК СССР). Даже позже, в марте 1918 г. на упомянутых совещаниях в № 305 «Метрополя» (Ленин, Милютин, Ломов, Ларин, Смидович и др.), когда шла речь о необходимости создать «Бюро по электрификации» Московской и Ленинградской областей (торфяные и водяные станции), — Владимиру Ильичу приходилось еще ставить вопрос, что следует Смидовичу привлечь к этому делу «Глеба» (тов. Г. М. Кржижановского, ныне члена ЦК РКП, действительно привлеченного впоследствии в качестве главного руководителя работ по электрификации и председателя Госплана, — в то время стоявшего еще в стороне от активной руководящей советской работы, но имевшего большой подпольно-большевистский стаж). При таких условиях приходилось особенно внимательно относиться к реальным возможностям завязывания связей с научно-техническим миром. Сохранилось от того времени прямое распоряжение Вл. Ильича принять все меры для создания «Совета экспертов» из крупных научно-технических сил (известно также особое внимание, с каким он относился затем к учрежденному при ВСНХ «научно-техническому отделу», куда значительная часть их влилась).

Суровой диктатурой подавляя контр-революционный саботаж интеллигентской массы, Советская власть дер-